

Я хочу вам рассказать

Казань - драм. - сценар.

Борис ВАСИЛЬЕВ

ГОРИЗОНТЫ

Большая популярность произведений писателя Бориса Васильева, труд которого недавно отмечен Государственной премией СССР. Интересно, что едва ли не все его книги обрели новую жизнь на сцене, экране. От чего зависит судьба современной прозы? Почему в ней театр и кинематограф? Что связывает и разделяет эти искусства? Обо всем этом беседовал с Борисом Львовичем Васильевым наш корреспондент М. ВУБНОВ.

Если говорить о прозе вообще, то до недавнего времени, быть может, до середины 1950-х годов, она сохраняла господствующее положение в литературе и вообще в искусстве. Но вот ее всеобъемлющая власть начинает давать заметные трещины. Растут масштабы, значение и популярность других видов искусства — кинематографа, театра, телевидения. Человеку стало непросто распределять свое внимание и время, тем более отдавать его большую часть чтению художественной литературы. Очень досадно, но с этим, видимо, ничего не поделаешь. И, наверное, закономерно, что проза, по крайней мере в настоящее время, уже не имеет той власти над людьми, какая была у нее раньше.

Мне кажется, что современные прозаики не могут не учитывать этого в своей работе. Каким образом? Разумеется, тут не может быть каких-то рекомендаций. Наверное, каждому по-своему. По-моему, главное — не бояться отойти от традиционных канонов прозы и конкретно учитывать наметившиеся тенденции. Не хочу сказать, что самая лучшая, но самая читаемая проза, наверное, попросту давно учитывает их. Такая проза, я бы сказал, лежит на стыке всех современных средств художественной информации. Во всяком случае, она впитывает в себя особенности театра, кино, телевидения. В чем это проявляется? В такой прозе неизбежны открыты выраженной драматургии, элементы монтажа, яркой театральности действия. Читателю, уже привыкшему к современным средствам обращения к его вниманию, легче удается контакт с автором, которого он чувствует близким себе, приемлемым.

Быть может, это наша писательская беда, когда мы не соглашаемся признавать необходимость такого подхода, не боясь утомить или даже привести в раздражение своего читателя. Теперь, когда под боком

у каждого кинотеатр и телевизор, писатель перестал быть монополистом, скажем, в описании природы. Думаю, то впечатление, которое может создать сегодня хороший кинооператор, писателю не под силу.

Правда, кинематограф не так уж все силен — во всяком случае, он не может (в отличие от писателя) выразить в полной мере соотношение природы и человека, их взаимосвязь и взаимодействие. Я лично по этому стараюсь «давать» природу не столько в зрительном, сколько в чувственном ряду. Мне не так важно, чтобы читатель увидел, сколько нужно, чтобы читатель почувствовал. А для этого я лишь стараюсь добавить в уже готовый образ — у каждого читателя свой — такую деталь, которая приведет его к нужной мне цели.

Я отношусь к кинематографу с большим уважением. Тем более что сам пришел, по существу, из него (начинал с учебы в сценарной студии Николая Федоровича Погодина). Кино, пожалуй, один из самых мощных соперников литературы. Зритель, помимо всего прочего, владеет кинематографу и то, что человек любит, когда его стихийно организуют по ритму. Я согласен с Роланом Быковым, который находит одно из объяснений нынешнему увлечению молодежи музыкальными ритмами по требности как-то организовать для себя тот поток информации, который льется на нее со всех сторон. И такой простейшей системой оказывается общедоступная система музыкального ритма.

Кино умеет пользоваться тягой людей к ритму. Получается, что в кино совсем не обязательно (я беру общий случай) иметь интеллектуально и эмоционально подготовленного зрителя. Кинематограф задает человеку систему координат, в которой он уже потом расставляет все сам.

Вот такой системы во взаимоотношении писателя и читателя нет и быть не может. Во всяком случае — заведомо. Литература дает читателю то, что не может дать кино, — ощущение полной слитности с происходящим. Действие в кино всегда отделено от зрителей не только расстоянием до экрана, но и временным барьером — все происходящее на экране уже было когда-то: каждый зритель знает, что фильм поставлен, сыгран и снят. Именно этим определяется для меня слабость кино и сила театра. Театр — это сама данность, зритель присутствует на акте творения.

Литература, взяв у кинематографа все лучшее, не побоялась видоизмениться на столько, чтобы по-прежнему остаться — объективно — лидером в искусстве. Она, демонстрируя свою универсальность, дает другим видам искусства не только сюжеты, характеры и идеи, но и формальные приемы как средство передачи этих

идей. В кино монтаж? Но он прекрасен известен и литературе. В кино кадровый голос, ассоциативный ряд? Но в литературе эти приемы известны издавна. И ведь только литература обладает способностью передать внутреннее состояние человека и процесс мышления. Кино, при всем к нему уважении, передает только форму внутреннего состояния, а не само состояние и, кажется, совсем не в состоянии передать процессы мышления и творчества. Или передает их литературным приемом. А у литературы для этого — огромный арсенал средств. Процесс мышления она может описать просто, описать образно, описать ассоциативно. Возьмите последний роман Владимира Богомолова «В августе 44-го...». Разумеется, я далек от того, чтобы лишить кинематограф права на самостоятельность средств и форм воздействия, но хочу подчеркнуть, что литература во всех отношениях осталась первоосновой искусства.

Но далеко не одна форма делает прозу читаемой. Что ждет читатель от писателя? Думается, прежде всего разговора не просто искреннего, но непременно по проблемам, существующим для него в реальности существующим постоянно. Не ситуации, не частные проблемы, в которых писатель всегда отстает так или иначе от жизни, а именно «вечные» проблемы бытия — вот главный интерес читателя в литературе. Я бы сформулировал задачу литературы как необходимость помочь человеку утолить жажду гармонии. Гармонии не столько внешней — соответствия потребности человека с его действительностью и ее результатами, сколько внутренней гармонии — соответствия его морально-этических взглядов с образом, способом жизни, потребностями. Мыслящий человек всегда ощущает себя во внутренней дисгармонии и стремится к ее преодолению. Смысл существования человека, наверное, сводится именно к постижению полной гармонии, хотя — и он это знает — это невозможно. Но не это страшно. Страшно, когда в человеке, как раз наоборот, поселяется ощущение полной гармонии, полного взаимного соответствия всех компонентов жизни. И вот, мне кажется, задача литературы в том и состоит, чтобы возбудить в человеке постоянное стремление к гармонии, чтобы будить и тревожить. Этим я могу объяснить интерес к такому жанру, как трагедия, жанру, к которому сам имею склонность. Но вот интересно: на эстраде или по телевидению вы не раз увидите «вечер комедии», но никогда — вечер трагедии. Ну зачем, спрашивается, тревожить человека вечером, ведь он отдохнуть хочет? Словно трагедию в прозе люди читают лишь по утрам. На

деле не так уж редко, как думают многие, нуждается человек в дополнительном заряде беспокойства.

Вы спросили, почему у кино- и театральные режиссеры такой интерес к моим произведениям. Вообще хуже нет, когда писателя заставляют рассуждать на тему, что у него есть и чего у него нет. Поэтому я могу высказываться только с помощью «может быть» (во всем предыдущем тоже, разумеется, повсюду должно бы стоять это «может быть»).

Может быть, потому, что мне до сих пор удавалось — не знаю, как удастся дальше — находить героя, который воплощал бы в себе не только характер, но и идею. Характер, конечно, тоже, но прежде всего идею. Вот сейчас я уже почти готов записать за новый роман. Вроде бы уже можно начинать, но начать не имею права: у меня еще нет героя, который мог бы «поднять» и «потопить» мою тему. Вернее, есть только его «биография» и его характер, но нет у него своей идеи, той, которая мне нужна. Может быть, именно это привлекает театр и кино, не знаю. Может быть, еще и потому, что мне удается не делить своих героев на плохих и хороших, или, как принято говорить, на положительных и отрицательных. Один мой хороший товарищ, известный актер, назвал искусством, не избегающее такого деления, злым.